

Р. Е. Вайсберг

По скучной дороге

(Второй ответ тов. Аболину)

Статья тов. Аболина „За марксистское толкование категорий производительного и непроизводительного труда“, помещенная в № 10 „План. Хоз.“ за 1928 г., является ответом на мою статью „Против вульгарщины и легкомыслия“, помещенную в № 8 „План. Хоз.“. Статья тов. Аболина должна была ответить на следующие положения, выдвинутые мною против него в статье „против вульгарщины и легкомыслия“:

1) Вопрос о производительном и непроизводительном труде нельзя рассматривать изолировано от основных проблем данного общества, в противном случае анализ скатывается к схоластике.

2) Всякую проблему политэкономии, в том числе и данную, можно правильно понять, синтезируя три основных подхода Маркса: историко-социологический, диалектический и материалистический.

3) Выдвинутое Аболиным противопоставление „вещественной“ точки зрения социологической является плодом недоразумения: он, повидимому, недостаточно разобрался в моей статье „Общественный продукт при капитализме и в СССР“, напечатанной в №№ 5—6 „План. Хоз.“ за 1927 г. и в книжке Базарова о производительном и непроизводительном труде.

4) Выступая против моей, якобы, „вещественной“ точки зрения, тов. Аболин по существу повторяет обвинение в „вещественном“ уклоне, выдвинутое тридцать лет тому назад Базаровым против Маркса. Тов. Аболин защищает в этом основном пункте его первой статьи¹ базаровскую ревизионистскую точку зрения.

5) Маркс, анализируя вопрос о производительном и непроизводительном труде, учитывает не только диалектический характер развития этой категории, не только ее исторически-ограниченное значение, но и то, что „можно признать характерным для производительных рабочих, т.е. для рабочих, производящих капитал, что их труд реализуется в товарах, материальном богатстве“ (К. Маркс, „Теория“, т. 1, стр. 180).

6) Следует разграничивать понятия труда: производительного, полезного и непроизводительного.

7) Капитализм имеет свои специфические *faux frais*.

¹ Помещена в „План. Хоз.“, № 8 за 1928 год.

8) Материалистическое понимание истории обязывает брать за основу не „материю“ и не отдельные „профессии“, — а те производственные отношения, которые складываются в процессе капиталистического производства материальных благ, и что, отступая от этого положения, тов. Аболин не только неправильно трактует проблему производительного и непроизводительного труда, но игнорирует значение капиталистического права собственности на орудия производства, по меньшей мере, смягчая роль капиталистической эксплуатации, роль всей капиталистической системы в эксплуатации рабочих, а также вопрос о дележе прибавочной стоимости, т.е. тот самый вопрос, по которому Базаров спорил против Маркса в свое время.

9) Приводимые тов. Аболиным цитаты говорят против него же самого.

10) Аболинские рассуждения о производительном и непроизводительном труде в СССР не состоятельны не только потому, что он неправильно трактует эту проблему при капитализме и не только потому, что он приводит в разделе о СССР различные цитаты, не имеющие отношения к делу, но и потому, что он совершенно не учитывает переходного характера нашей экономики, не учитывает того, что у нас происходит „длительный и чрезвычайно мучительный процесс“ трансформации капиталистических и докапиталистических отношений в социалистические“ („План. Хоз.“, № 8 за 1928 г., стр. 182) и что этот процесс, именно как переходный, требует своего специального изучения.

Таковы те основные положения (не говоря уже о целом ряде пунктов подчиненного значения), из которых я исходил, отвечая тов. Аболину в статье „Против вульгарщины и легкомыслия“.

Об этих главных и решающих моментах он ни слова не сказал в своей последней статье, напечатанной в № 10 „План. Хоз.“, и только заявил, что в „основном“ разногласия сводятся к двум вопросам: об умственном труде учителя и о хранении товарных запасов. При этом он трактует оба вопроса совершенно обособленно от всех остальных решающих проблем политической экономики, и переводит весь спор на схолистически-замкнутый и теоретически-бесплодный путь. Оба вопроса, затронутые тов. Аболиным, сами по себе второстепенного порядка, и я ограничусь поэтому несколькими замечаниями по поводу развиваемых тов. Аболиным положений. Поскольку же тов. Аболин не останавливается на выдвинутых мною против него основных положениях, поскольку он не спорит на более широко-развернутой основе и не оспаривает моих основных положений, я не имею надобности повторять их здесь.

Теперь перейдем к существу тех вопросов, о которых говорит Аболин.

Мне уже приходилось в статье № 8 „План. Хоз.“ просить тов. Аболина укорять меня только за те „грехи“, в которых я

действительно повинен. Все же он продолжает приписывать мне деление на труд умственный и физический и делает это с упорством совершенно неуместным. Я не ставлю вопроса об умственном и неумственном (физическом) труде вообще. Такое деление я еще в первой статье в № 5 и 6 „План. Хоз.“ за 1927 г. назвал „убогим“. Я говорил во всех своих статьях о сферах экономической деятельности, а не об „умственных“ и физических „профессиях“. И все соответствующие разъяснения я дал тов. Аболину в № 8 „План. Хоз.“. Надоело к этой напраслине возвращаться.

Аболин, пытаясь поставить знак равенства между трудом, занятым в сфере материального производства, и трудом по производству „нематериальных“ благ, набрал несколько цитат, в которых Маркс говорит о нематериальном производстве. При этом Аболин подчеркивает на каждом шагу слово „производство“, желая его, повидимому, отождествить с понятием „производительный“. Здесь тов. Аболин совершает ошибку, аналогичную той, которую он совершил в первой статье (в № 8 „План. Хоз.“) и которая заключается в том, что он не разграничивает понятия „непроизводительный труд“ от понятия: „полезный труд“. На сей раз тов. Аболин, потому ли, что его подводит „филология“ или по каким-либо другим причинам, заменяет „производство“ понятием „производительный“. Таким же точно образом можно было бы сказать, что судья занимается производительным трудом, так как он учиняет „судопроизводство“, и не менее производительным окажется канцелярское производство, особенно тот вид его, для которого имеется специальный чиновник под названием делопроизводителя.

Маркс возражает против того, что, по мысли Шторха, к производительным рабочим „принадлежат, кроме того, еще и те, которые производят „досуг“, вследствие чего некто получает свободное время для наслаждения“, ¹ и дальше читаем у Маркса:

„Тут мы опять наталкиваемся на ту бессмыслицу, что всякий род услуг что-нибудь производит: проститутка — сладострастие, убийца — убийство и т. д.“ ²

Итак, Маркс говорит о производстве „досуга“, „убийства“ и „сладострастия“. Аболин не называет этого рода деятельности производительным. Но кто-нибудь другой, который хотел бы пойти в расширительном толковании понятия производительного и непроизводительного труда дальше Аболина, мог бы, следуя его примеру замены одного понятия другим по чисто филологическим признакам, сказать, будто Маркс считал труд проститутки, убийцы и т. п. „рабочим“ производительным.

Во избежание недоразумения я должен указать, что у Маркса имеется такое место: „производство неотделимо от производитель-

¹ „Теории“, т. 1, стр. 263.

² Там же, стр. 264.

ного акта, как это имеет место у всех художников-исполнителей, у актеров, учителей, врачей, попов и т. д. („Теории“, т. 1, стр. 277).

Эти слова могут послужить для совершенно неверных толкований, если их понимать так цитатно-схоластически, как это делает на каждом шагу Аболин. Здесь, ведь, как будто прямо сказано, что труд попа производителен („производительный акт“). Но это означало бы отнести себя к тому миллиону граждан СССР, которые, по меткому замечанию Максима Горького, говорят по Марксу, как полугай по-человечески. К такому ложному пониманию можно притти в том случае, если брать только один признак: капиталистическую эксплуатацию и не обращать внимания на другие стороны дела, в особенности на то обстоятельство, что производственные отношения определяются в основном общественным характером производства материальных благ. Мы имеем здесь лишнее доказательство того, что на формально-цитатной „кривой“ существенных вопросов политической экономии об'ехать никак нельзя.

Но Аболин пытается поймать меня с „поличным“ и „показать“, что я извращаю цитаты. Я готов держать ответ по поводу такого „уголовного“ преступления.

Мою вину Аболин усматривает в том, что „он (т.е. я) начинает предложение словами Маркса“, затем „продолжает его своими словами“. Он считает, что я прибегаю в данном случае к какой-то недобросовестной литературной комбинации и пытается создать впечатление, будто с моей стороны имеет место „явно недопустимый в научной полемике прием“.

Тут же говорит и о том, что я кое-что из слов Маркса опустил... словом сплошной „разбой“ и „справедливый гнев“ Аболина не находит слов для возмущения.

Так в чем же дело? А дело в том, что никакого предложения я не комбинирую из слов Маркса и моих слов. Дело в том, что я начал в одном абзаце, как и во всех других местах статьи предложение своими словами и своими же словами закончил его. Затем я в том же абзаце привел цитату из Маркса полностью, ни одного слова, ни одной запятой не изменив в словах Маркса, а перед тем, как привести эту цитату, я предупредил читателя, что буду цитировать и поставил двоеточие и кавычки, как принято делать в таких случаях. Если это называется „комбинировать“ предложение, то такие комбинации делаются сплошь и рядом, они имеются и в статье очень „щепетильного“ Аболина, но я в таком приеме цитирования ничего предосудительного не вижу. Для того чтобы не казаться голословным, я привожу целиком и полностью тот самый абзац, на который Аболин столь яростно напал: „Но может быть, с точки зрения не капиталиста, но общественного производства, услуги производительны потому, что они косвенно участвуют в производстве. И на этот

вопрос Маркс дает совершенно недвусмысленный ответ: „Этот косвенно участвующий в производстве труд (он представляет собой только часть непроизводительного труда) мы и называем непроизводительным трудом. Иначе пришлось бы сказать, что, так как правительство абсолютно не может существовать без крестьянина, то крестьянин — косвенный производитель судопроизводства и т. д. Пустяки“¹.

Аболин все же не может успокоиться. Он усматривает мое литературное преступление в том, что я не привел имеющейся на той же странице цитаты из Смита, из которой ясно, что в данном случае речь идет о правительстве, и этим самым я, якобы, намеренно ввел читателя в заблуждение.

Заявляю со всей категоричностью, что никого в заблуждение я не вводил и вводить не собирался. Я не скрыл и скрывать не собирался, что в данном случае речь идет именно о правительстве, так как в приведенных мною словах Маркса прямо так и сказано: „Иначе пришлось бы сказать, что так как правительство абсолютно не может существовать и т. д.“.

„Поправляя“ меня, Аболин приводит цитату из Смита, где это самое злостное „правительство“ фигурирует в скобках. А я упомянул „правительство“ словами Маркса, без скобок и без слов Смита, так как не было никакой надобности эти слова приводить и загроужать статью еще лишней, ничего не прибавляющей цитатой.

Итак, в этой части „обвинительный акт“ тов. Аболина — мыльный пузырь. Плохо, конечно, когда автору статьи приходится прибегать к таким приемам полемики, к каким прибегает Аболин, но „по человечеству“ его можно понять, если других аргументов у него не остается.

Переходим ко второму пункту „обвинения“.

Маркс одновременно излагая и критикуя Смита, пришел к следующему заключению:

„Стало быть, производительным трудом будет такой труд, который или производит товар или непосредственно создает, обучает, развивает, поддерживает, воспроизводит рабочую силу. Этот последний вид исключается Смитом из установленной им рубрики производительного труда; он делает это произвольно, но все-таки руководится некоторым верным инстинктом, подсказывающим ему, что если он включит сюда и этот труд, то тем самым настаеж откроет двери для ложных представлений о производительном труде“².

Со свойственной Аболину склонностью к легкой замене одних понятий другими, он ставит вместо слова „произвольно“ слово „ошибочно“ и заявляет, что Маркс в данном месте считает, что Смит поступил ошибочно. Тут уже, действительно, Маркс, немного „трансформирован“...

¹ К. Маркс, „Теории“, т. I, стр. 260.

² Там же, стр. 180.

Надо Маркса читать внимательнее, не приписывать ему тех слов, которых у него нет. Незачем навязывать Марксу слова и мысли, которых у него не имеется.

Но как обстоит с мыслью Маркса по существу?

Формально, без оглядки на последующие теоретические (и политические) выводы, „следовало бы назвать производительным труд, который непосредственно создает, обучает, развивает, поддерживает, воспроизводит рабочую силу“. Но это значило бы поставить знак равенства между товаром — вещью и рабочей силой, которая является товаром *suí generis*. Кроме того, это дало бы возможность, выражаясь словами Маркса, „для ложных представлений“ и в первую очередь для неверных толкований вопроса о том, где и кем создается прибавочная стоимость в капиталистическом обществе. Поэтому приходится в данном случае произвольно, вопреки формальной логике, подчиняясь логике диалектического развития понятий, исключить труд по воспроизводству рабочей силы из сферы труда производительного, руководствуясь при этом „некоторым верным инстинктом“.

И вслед за этим, буквально во втором же предложении Маркс пишет:

„Таким образом, и поскольку рабочая сила не принимается во внимание, производительный труд сводится к труду, производящему товары, материальные продукты, на производство которых затрачено определенное количество труда или времени“¹.

Я считаю поэтому, что поступил правильно, когда, приведя цитаты о произвольном отнесении труда „развивающего, обучающего“ и т. д. к непроизводительному труду, написал следующее:

„В этой цитате достаточно ясно выявлено отношение Маркса к вопросу о производительности так называемых „услуг“ о труде и в частности о труде по воспроизводству квалифицированной рабочей силы“.

Все попытки Аболина уличить это место моей статьи в „ничтоплотности“ относятся к той же категории непроизводительного труда, как и труд по „производству“ разобранного выше мыльного пузыря.

Так как тов. Аболин считает вопрос о том, как квалифицировать труд „учителя“, основным вопросом и так как для него весь смысл полемики сводится к „цитатам“, то он старается по своему истолковать те цитаты из Маркса, которые я привел в своей статье. Как ни скучен и непроизводителен весь этот „цитатный“ спор, но приходится сказать еще несколько слов об аболинских кри-

¹ К. Маркс, „Теории“, т. I, стр. 180.

териях по каждому конкретному случаю. Но раньше одно замечание по существу.

Оставляя на классовых позициях революционно-марксистской теории (а только так можно рассматривать теорию Маркса), следовало бы показать и доказать, что там, где Маркс говорит о фабричной организации труда „учителя“ или в других местах, он считает, что именно этот труд увеличивает массу стоимостей данной страны, что этот труд создает стоимость для себя и для хозяина, а не живет за счет созданной в материальном производстве стоимости, помогая своему хозяину присваивать часть этой, вне его хозяйственной сферы созданной прибавочной стоимости. Вопрос о создании и дележе капиталистической прибавочной стоимости в классовом обществе не может быть обойден ни в одной проблеме, даже в проблеме „учителя“.

К величайшему сожалению, тов. Аболин в первой и во второй статье обходит этот вопрос молчанием. Труд „учителя“ в тех исключительных и совершенно немногочисленных случаях, когда он организован капиталистически и в тех случаях, когда он действительно „развивает, обучает и т. д.“, не увеличивает массы стоимостей страны, т.е. овеществленного человеческого труда. И сколько бы тов. Аболин ни цеплялся за отдельные слова у Маркса, он не найдет обоснования для отождествления труда учителя с трудом, переносящим ранее созданную стоимость и создающим прибавочную стоимость.

Что касается „цитат“, то Аболин считает нужным „критиковать“ только те цитаты, которые я привел под разделом седьмым „О цитатах“, не обращая внимания на другие цитаты, приведенные в той же (и в предыдущих) статьях. Но как он критикует их? В двух местах Аболин пытался найти с моей стороны „фальсификацию“ цитаты, но он, мягко выражаясь, увлекся. В другом месте он недоуменно тем, что Маркс, говоря о непроизводительном характере услуг, производящих нематериальные блага, упоминает „Иллиаду“, буржуазных экономистов и Аристотеля. Но если говорить о труде, который повышает „духовный“ уровень и квалификацию человека, то в этом отношении роль Аристотеля, Гомера, Смита, Сэя и т. д. для своего времени и для своего класса не ниже роли буржуазного учителя. Труд философа и экономиста, создающего новую систему взглядов или пропагандирующего определенные воззрения, по существу таков же, как и труд „учителя“. В этом смысле Аболин не имеет оснований пренебрегать мнением Маркса об этой категории человеческой деятельности.

Остается другой вопрос — вопрос о капиталистической организации труда: в эту систему ни Аристотель, ни Гомер не были включены. Я указывал в своем первом ответе Аболину, что когда Маркс, по признаку капиталистической организации говорит о „нематериальном труде“ как о производительном, он делает такие оговорки

которые в высшей степени ограничивают и сильно ослабляют это его положение. В ответ на это Аболин пытается свести вопрос к количественным различиям, между тем как тут речь идет о глубоких качественных различиях, о типе производственных отношений в сфере материального производства, определяющих все остальные (в том числе капиталистически-организованный труд „учителя“) капиталистические производственные отношения.

Но если даже хвататься за этот количественный момент, то не понятно, почему Аболин относит труд крестьянина к непроизводительному, несмотря на то, что крестьянин занят в сфере материального производства и что распространенность капиталистических отношений в крестьянском хозяйстве гораздо больше, чем распространенность капиталистически-организованного обучения.

Если же говорить о „чистом“ простом товарном или о натуральном крестьянском хозяйстве, то его вообще нельзя считать ни производительным, ни непроизводительным, так как для данной формации неуместна исторически-ограниченная капиталистическая точка зрения.

Если считать, что труд „учителя“ и „певца“ обогащает страну новыми стоимостями, то почему же нельзя сказать того же самого о „попах“, которые также обрабатывают „головы“, как буржуазный гувернер, и служат полезную службу капиталистическому строю? Ведь религиозная „обработка“ голов не менее важна для капиталистического строя, нежели научно-техническая.

Тов. Аболин пишет: „Тов. Вайсберг не видит принципиальной разницы между трудом правительственных чиновников и трудом, занятым в воспроизводстве квалифицированной рабочей силы“. Неверно! Разницу между ними я усматриваю в том, что труд одних представляет собою *faux frais* капиталистического строя, а труд других полезен, хотя оба вида труда непроизводительны.

Никаких абсолютно оснований тов. Аболин не имеет к тому, чтобы свести к количественному моменту, т.е., по существу, свести на-нет к чрезвычайно важное место, где Маркс синтезирует исторический и материалистический подход в следующих словах: „А в таком случае можно признать характерным для производительных рабочих, т.е. для рабочих, производящих капитал, то обстоятельство, что их труд реализуется в товарах, в материальном богатстве“. И совершенно не случайно то обстоятельство, что буквально в предыдущем предложении Маркс подчеркивает (не в первый раз, конечно), что „все рабочие, занятые в производстве товаров, являются наемными рабочими, а средства производства во всех отраслях противостоят им, как капитал“.¹

¹ К. Маркс, „Теория“, т. I, стр. 277. В данном случае я, краткости ради, действительно начал предложение своими словами и кончил его словами Маркса, но мысль последнего целиком и полностью сохраняется.

Еще раз и еще раз Маркс подчеркивает связь теории о производительном труде с классовой теорией, но ни в одной из своих статей и ни в одном из многочисленных толкований, многочисленных цитат Аболин не уделяет вопросу об этой связи никакого внимания.

Аболин признает, что „основой развития всякого общества было и будет материальное производство“. Но совершенно недостаточно сказать это, нужно показать, как вся проблема производительного труда строится на этом положении и на классовой теории политэкономии. У Аболина этого нет и в помине. Поэтому остаются в силе те основные разногласия, которые я формулировал в прошлой статье; эти разногласия не исчезли бы и в том случае, если бы мы с Аболиным „сепаратно“, т.е. в отрыве от основных проблем марксовской политэкономии, договорились бы на том или ином решении тех двух частных вопросов, которые по совершенно непонятной причине стоят у Аболина в центре внимания.

Таких вопросов сепаратно-схолостически никак решать нельзя.

От капитализма Аболин переходит к СССР. Шагом вперед является то, что Аболин не повторяет здесь своей „легкой философии“¹ о СССР, изложенной им в предыдущей статье. Он выставляет ряд верных, но в теоретическом отношении крайне мало говорящих положений: важность индустриализации, необходимость поднятия культурного уровня масс и т. д. И когда Аболин после этого спрашивает: „теперь, быть может, тов. Вайсберг поймет“, я должен ответить: „нет, не пойму“. И „не пойму“ я вас, тов. Аболин, потому, что вы никак не хотите понять, что в СССР, в условиях переходного периода, происходит процесс трансформации капиталистических категорий. Следует не прыгать от „царства“ неправильных представлений о капитализме в „царство“ механических представлений о социализме, а внимательнейшим образом изучать процесс отмирания одних категорий и становления других в наше переходное время.

Я прошу тов. Аболина действительно понять то, что я писал во второй статье и чего, он, повидимому не оспаривает:

„В виду противоречивости социальных укладов нашей экономики, непременным условием изучения проблемы производительности труда является анализ ее в разрезе отдельных секторов, по крайней мере двух: капиталистического и социалистического. Следует проанализировать специфические условия СССР в целом, а также специфические внутрисекторальные условия, определяющие производительный и непроизводительный труд. Следует учесть и межсекторальный разрез, в связи с чем и стоит, например, такой вопрос, как степень производительности труда несоциалистического хозяйства по отношению к труду, организованному в социалистическом секторе, т.е. в секторе наиболее передовом.“²

¹ „План. Хоз.“, № 8, за 1928 г., стр. 182—186.

² Там же, стр. 182.

И в частности, в отношении труда „учителя“ я указывал еще в прошлом году, что в СССР отдельные виды его, непосредственно связанные с процессом материального производства и участвующие в этом процессе наравне с остальными участниками производства, из непроизводительного превращаются в производительный, но это не механический акт, а длительный процесс, и ни „капитализм“, ни „социализм“, взятые сами по себе, ничего сказать не могут: у нас вступают в силу более сложные „переходные“ условия. Ими-то и следует заняться.

Аболин заявляет, что он не считает меня буржуазным экономистом — и на том спасибо! Однако, ни первая, ни вторая статья его не дают повода отказаться от мысли, что он защищает эклектическую точку зрения.

Четкость в марксовом понимании капитализма является совершенно необходимым условием для изучения проблем переходного периода, стоящих в центре внимания. К сожалению, такие „спорщики“ как Аболин вносят много „непроизводительных“ элементов в теоретическую работу, вместо того чтобы на основе наследия Маркса заниматься изучением актуальных проблем современности и нарождающегося социалистического строя.

Теперь о „приемах“ полемики. Тов. Аболин с самого начала дает неправильное представление о сути полемики. Он формулирует вопрос так, как будто весь спор он собирается вести применительно к условиям СССР, а ведет его потом почти исключительно применительно к капиталистическим условиям. Вот его формулировка:

„1) Отнести ли те десятки тысяч работников, которые заняты умственным трудом, сущность которого в значительной мере заключается в подготовке квалифицированной рабочей силы в промышленности и в сельском хозяйстве, в поднятии культурного уровня трудящихся, — отнести ли этот труд к области производства или вне ее.

2) Отнести ли труд, занятый хранением наших товарных запасов, к области производства, независимо от того, находится ли склад при самом заводе, или в ведении торгующих организаций, или же отнести к производству лишь труд по сохранению заводских запасов.“¹

В этих формулировках ни слова не сказано об основном признаке так называемого „умственного труда“ при капитализме, т.е. о том, что этот труд не организован капиталистически и не покупается на переменный капитал, а на ту часть прибавочной стоимости, которая предназначается для личного потребления буржуазии. Сказано прямо противоположное: „поднятие культурного уровня трудящихся“, и ничего не говорится от том, что это „поднятие“ организовано в капиталистическом обществе так, что оно противо-

¹ Арт. Аболин, „План. Хоз.“, № 10 за 1928 г., стр. 138—139.

стоит рабочим в качестве капиталистического орудия „нематериального“, но четко выраженного, реального, экономического и, в конечном счете, весьма материального угнетения.

Равным образом в вопросе о товарах Аболин не формулирует основного признака — *faux frais* капиталистического обращения товаров, но говорит о „наших“ (советских?) товарных запасах и о „торгующих организациях“ (т.е. о государственной и о кооперативной торговле, играющей в противовес частной торговле доминирующую роль только в СССР). И после этого Аболин во всей своей статье ни одного слова не говорит об условиях торговли и хранения товарных запасов в СССР. Как сие понять? Он формулирует вопросы, относящиеся к СССР и строит затем всю статью на положениях, относящихся к капитализму. Ведь такая механичность никак не совместима с марксистской методологией, а читателя вводит в заблуждение.

Я не намерен подозревать Аболина в сознательном извращении классового смысла спора, но я утверждаю, что объективно получается такое впечатление, что в данном случае красная советская помада, появляющаяся на губах капиталистической дамы, служит такую же роль, как и блиставшие прошлый раз на ее руках аболинские бриллианты.¹ И если тов. Аболин льет „крокодиловые слезы“ по поводу приемов „несколько некрасивых для нашей коммунистической среды“, то я должен ему раньше всего указать на содержание его обеих статей, которые немного грешат против классовой теории. А когда речь идет о таких основных вопросах, то уж не извольте обижаться на „тон“. Взять хотя бы дополнение к тому, что я говорил уже до сих пор вопрос о хранении товарных запасов. В реальном капиталистическом товарообороте имеются две функции: распределение и специфический капиталистический обмен. Первая функция останется и при социализме, вторая не только не останется, но уже отмирает в СССР. Вторая функция основная — специфически-товарная. Аболин же говорит преимущественно о первой функции, связанной с производством, забывая однако, что и эта функция органически связывается со специфически-капиталистическим метаморфозом товаров, т.е. с основной и решающей функцией.

„Игнорируя“ при этом совершенно определенные указания Маркса на этот счет (я приводил цитаты прошлый раз² и не стану к ним возвращаться), Аболин открывает лазейку для „ложных толкований“. Более последовательно поступает, конечно, Рубин, который использовал отдельные цитаты из Маркса приблизительно так же, как Або-

¹ В своей статье, напечатанной в № 8 „План. Хоз.“, тов. Аболин указывает на то, что такие „блага“ как „бриллианты“ вовсе не служат орудием эксплуатации, и не замечает при этом, что дело не в „бриллиантах“, а во всей сложной системе капиталистической эксплуатации.

² См. „План. Хоз.“, № 8 за 1928 г.

лин (но с большим мастерством), и заявил безо всяких обиняков: „в частности, мы не согласны с положением Маркса, что труд, занятый капиталом в сфере обращения, не создает стоимости и прибавочной стоимости“.¹ Положение Аболина „половинчатое“, поскольку он использует Маркса приблизительно так же, как Рубин, но считает непроизводительным труд, занятый в сфере обращения.

В СССР вопрос о производительном и непроизводительном труде осложняется еще тем обстоятельством, что большинство наших государственных учреждений (СНК, СТО, Госплан, ВСНХ, НКЗем и т. д.) „сращиваются“ с производством, хотя еще остаются „надстройкой“. Может быть, уже теперь на начальной стадии переходного периода в элементах сращивания кроются предпосылки для „отмирания“ государства и его учреждений. Но этот вопрос требует специального рассмотрения. При всей несомненной полезности всех наших государственных учреждений, и в частности, хозяйственных, они прибавочного продукта не создают. Однако, то обстоятельство, что эти учреждения выполняют неподлежащие никакому оспариванию полезные функции (хотя и тут имеются свои специфические, „переходные“ *faux frais*), дает повод для тех представителей нашей технической и технико-экономической интеллигенции, которые мнят себя солью земли в противовес рабочему классу, считать свой труд даже более производительным, чем труд рабочих (один так и заявил, что „рабочий в СССР живет за счет врача“), и делать совершенно несоответствующие действительности теоретические умозаключения. Всякое расширительное толкование проблемы производительного труда подкрепляет эти ложные теории, особенно тогда, когда „расширение“ производится без учета реального процесса замены капиталистического труда социалистическим и без учета формы постепенной организации нового, наиболее производительного бесклассового строя.

¹ И. Рубин, „Очерки по теории стоимости Маркса“, ГИЗ, 1924 г., стр. 208.